

БОЛЬШАЯ РУДА ВАЛЕРИЯ КАРПОВА

Ю. А. КАРПОВ, геолог, *y.a.karpov@yandex.ru*

*Всё остается людям. Дурное и хорошее.
И в этом оставшемся моё забвение или бессмертие
Самуил Алёшин*

Выступая в Волгограде, наш Президент В. В. Путин сказал: «Народ без памяти не имеет будущего. Не зная прошлого, будущего никогда не будет, мы будем все утрачивать, все то, чем мы дорожим и на основе чего мы развиваемся и идем вперед. Нельзя жить только прошлым, это ведет в никуда. Прошлым жить нельзя, нужно жить сегодняшним днем и смотреть в будущее. Но не бывает будущего без знания прошлого, без понимания того, на какой земле мы живем и благодаря кому мы живем». Трудно не согласиться с Президентом, особенно на фоне тех последствий, которые приходят, когда память, будь то масштаб отдельно взятого человека и семьи или даже целых народов, утрачивается, а история в угоду сиюминутной выгоды переписывается.

Жарким летом 1954 года в тайге неподалеку от кемеровского Карагола на склонах шорских гор всюду стучали топоры и жужжали ручные пилы. Это молодежный отряд из шестнадцати парней-комсомольцев Таштагольского рудника Кузнецкого металлургического комбината трудился в подшефном колхозе на раскорчевке целинных земель для увеличения пахоты, так же, как и многие их ровесники в Казахстане, Поволжье, на Урале.

За полтора месяца до этого на волне всеобщего молодежного похода на целину 25-летний секретарь комсомола Таштагольского рудника Валерий Карпов предложил:

– Может, зачистим тайгу? Вот вам и целина, под боком.

– Зачистим! – ответили комсомольцы, слова горняков не расходились с делом. Взяли ручные пилы, топоры, снарядили трелёвочный трактор – и отправились покорять свою целину, где за месяц с небольшим раскорчевали более двадцати гектаров леса, и с тех пор одна из сопок в районе Карагола долгие годы носила в народе название Комсомольской.

Молодой зеленоглазый парень со своей неизменной спутницей – улыбкой еще не знал, что чуть больше чем через полтора десятка лет ведомых им комсомольцев за его плечами будет уже не шестнадцать, а многие тысячи.

Валерий Валентинович Карпов появился на свет 14 августа 1929 года в маленьком городке Ворсма Павловского района Нижегородской области в семье Валентина Васильевича и Нины Александровны Карповых.

Издравле нижегородские Ворсма и Павлово известны своими промыслами по получению из крицы, добываемой в Нижегородской губернии, железа, его обработке и изготовлению различных металлических изделий. До открытия

первого в России месторождения магнитного железняка у реки Тагил на Урале в середине XVII века основой русской металлургии была добыча и переработка так называемой болотной руды – бурого железняка, состоящего из смеси гидратов оксида железа и отлагающегося в болотах на корневищах растений, в изобилии встречавшейся в районе современных Павлова и Ворсмы.

Отец Валерия, Валентин Васильевич, 1900 года рождения, имел среднее образование, военную специальность телеграфиста и гражданскую специальность бухгалтера, участвовал в Гражданской и Великой Отечественной войнах. Мама – Нина Александровна родилась в 1908 году, была малограмотна, происходила из рода потомственных кузнецов, всю свою жизнь трудилась в сельском хозяйстве.

Здесь, в нижегородской Ворсме, проходило его детство, разделенное на «до» и «после» 22 июня 1941 года, началом Великой Отечественной войны. Отец – ветеран Гражданской войны, летом 1941 года отправился добровольцем на фронт, и на долгие военные годы школьник Валерий остался единственным мужчиной в своей семье. «Стало очень трудно жить и учиться, – вспоминал Валерий Валентинович, – но благодаря настойчивости малограмотной мамы я продолжил учебу». Ученики и учителя Ворсменской школы разделили выпавшее на жизнь нашего народа испытание: весной и летом трудились на полевых работах, зимой самостоятельно заготавливали для школы дрова. В зимнее время учиться детям приходилось в верхней одежде, отогревая чернила для перьевых ручек собственным дыханием. Тогда, в военное детство, сформировался его характер: решительный, независимый, абсолютно самостоятельный и умеющий брать ответственность за себя и за других. Появилось умение полностью погружаться в новые проблемы, абсолютно не замечая бытовые трудности, и понимание необходимости упорно учиться и трудиться, достигая своих целей.

Летом 1945 года с фронта вернулся Валентин Васильевич. После окончания войны Валентин Васильевич часто говорил с сыном о его будущем и дальнейшей судьбе. Однажды он посоветовал ему выбрать профессию горного инженера: «Всё берётся от землекопов, если бы не было рудодобытчиков, не было бы у человека тех благ, которые он сегодня имеет...»

В 1947 году конкурс при приеме в Московский горный институт был достаточно высоким, и на 300 мест было подано 518 заявлений, а зачислены в институт были 304 человека. Первокурсников из группы РРМ-47 разместили в неказистом домике в районе платформы Битца, в котором студенты прожили почти три года. Время учебы в Московском горном институте Валерию не только веселым студенческим бытом, но и знакомством и дружбой с новыми людьми, преподавателями, студентами, впоследствии ставшими известными

**Студент Московского
горного института
В. В. Карпов. 1948 г.**

**Третьекурсник
Московского горного
института
В. В. Карпов. 1950 г.**

учеными и руководителями горной промышленности. Яркими воспоминаниями остались учебные практики в Сталиногорске (сейчас – Новомосковске Тульской области) и Криворожском железорудном бассейне.

После защиты диплома Валерий Карпов получил распределение на Таштагольский рудник Кузнецкого металлургического комбината в городе Таштагол Кемеровской области. Таштагол в 1952 году представлял собой несколько десятков строений на берегу реки Кондомы, в котором не было ни улиц, ни переулков в их обычном понимании, ни мостов через реку, ни центральной канализации, ни централизованного горячего водоснабжения. Жилье было в основном деревянным, одно- и двухэтажным. «Дом молодых специалистов» – так руководство рудника называло одно из зданий в Таштаголе, где выдавали жилье молодым сотрудникам. В его комнатах было сыро и холодно, а мебель в нем зачастую была сделана из подручных материалов самими жильцами. Холодными шорскими зимами обычным делом было находиться в доме молодых специалистов в верхней одежде. Тем не менее, сам Валерий Карпов по поводу жизни в Таштаголе вспоминал, что при распределении на рудник трудностей и опасений не испытывал и был готов к ним. Стесненные бытовые условия тех лет компенсировали сказочные красоты местной природы – особенно поражали облака в небе, проплывающие над вершинами горного хребта Мустаг, раскинувшегося вблизи Таштагола.

Осенью 1952 года Валерий Карпов начал работать на Таштагольском руднике горным мастером. Первая настоящая зарплата была внушительной – более 2000 рублей в дореформенных деньгах при средней зарплате в стране около 700 рублей. К 1952 году Таштагольский рудник испытывал ряд серьезных производственных трудностей, и государственный план по руде порой не выполняли. Не была организована ритмичная работа рудника, проветривание и вентиляция горных выработок осуществляли плохо, шахтеры вынуждены были простаивать в ожидании проветривания забоев. В 1954 году рудник начал выполнять государственный план, но лишь за счет двух передовых участков, в то время как остальные на

**Исполняющий
обязанности
начальника
четвертого участка
горного цеха
подземных работ
рудника «Таштагол»
В. В. Карпов. 1954 г.**

протяжении длительного времени от плана отставали. Будучи комсоргом рудника «Таштагол», Валерий был в числе молодых специалистов, ведущих организаторскую работу среди горняков, но производство привлекало его больше. Когда в декабре 1954 года Карпову предложили стать исполняющим обязанности начальника четвертого участка горного цеха, он с радостью принял это предложение и целиком посвятил себя этому делу, а уже в следующем году участок добился первых производственных успехов. Вскоре начальником четвертого участка был назначен его однокурсник В. Г. Филенков, а сам Карпов стал помощником начальника участка. Вместе друзья продолжили кардинально менять положение дел, и к январю 1956 года участок перевыполнил план и превратился из отстающего в передовой.

Здесь в Таштаголе он познакомился с молодым маркшейдером рудника Ниной Степановной Зыряновой. Летом в августе 1954 года в совместном отпуске в Нижнем Тагиле они расписались в ЗАГСе и прожили вместе 56 лет. Трудно сказать, как развилась бы дальнейшая жизнь и карьера Валерия Валентиновича без Нины Степановны – на долгие годы она стала его надежным и верным спутником и опорой. Скорее всего, многие из дальнейших событий могли и вовсе не произойти.

Таштагольский рудник продолжал работать, преодолевая трудности послевоенной жизни. В 1957 году рабочий день шахтеров был сокращен до 6 часов, что сказалось на выработке и, как следствие, на заработной плате. Весь объем горных работ был значительно сокращен. Валерий принял решение переехать в Нижний Тагил, где проживала родня его молодой жены. Используя месяц, положенный на отпуск и переезд, он поступил на работу в Лебяжинское рудоуправление Нижнетагильского металлургического комбината, где работал горным мастером, техническим руководителем горного цеха, заместителем начальника технического отдела.

В январе 1960 года Валерий Валентинович был избран секретарем парткома Высокогорского рудоуправления. Будучи избранным в 1961 году членом бюро Ленинского райкома КПСС, познакомился и работал с Г. В. Колбиным, первым секретарем Ленинского райкома КПСС и впоследствии первым секретарем ЦК КП Казахстана, и А. П. Кириленко – первым секретарем Свердловского обкома КПСС, впоследствии членом Политбюро ЦК КПСС.

Летом 1966 года Карпова назначают заместителем управляющего директора по капитальному строительству Высокогорского рудоуправления. В этот период с его участием активно вводили дополнительные мощности шахты «Магнитовая», дунитового рудника, строились жилье и объекты соцкультбыта.

В январе 1968 года Валерия Валентиновича переводят в город Железногорск Курской области заместителем директора по капитальному строительству Михайловского железорудного комбината (МЖК), директором которого в то время был А. И. Чураков, с которым Карпов учился в одной группе в Московском горном институте. Итогом работы этого тандема на МЖК стал существенный прирост производственных мощностей комбината по добыче и переработке богатой железной руды.

Сам Валерий Валентинович вспоминал о работе в Железногорске: «На Михайловке меня высмотрела «Главруда». Высмотрела и привезла в Губкин, видимо потому, что я за два с половиной года работы ввел две достаточно большие мощности – по переработке богатой руды и два роторных комплекса для выполнения вскрышных работ...». С этого момента начался главный жизненный этап будущего первого директора Лебединского горно-обогатительного комбината.

Кандидатуры на пост директора строящегося Лебединского ГОКа рассматривались в ЦК КПСС, утверждение происходило на Политбюро ЦК КПСС. По результатам отбора и после многочисленных согласований 6 февраля 1970 года министр черной металлургии И. П. Казанец назначил В. В. Карпова директором строящегося Лебединского горно-обогатительного комбината.

«Вскоре после назначения директором строящегося Лебединского ГОКа, – вспоминал Валерий Валентинович, – состоялась моя первая встреча с Председателем Совета Министров

СССР Алексеем Николаевичем Косыгиным, который летом 1967 года «выписал путевку в жизнь» нашему предприятию. Передо мной впервые открылись двери Сенатского дворца в Кремле, где работал Совмин. Недолгое ожидание – и я захожу в кабинет Председателя Правительства, обставленный простой и строгой мебелью, с нехитрым скромным письменным прибором и массивной бронзовой лампой на столе. Несмотря на свой возраст – а Косыгину в то время было уже 66 лет, в деловом костюме он выглядел энергичным и подтянутым. Алексей Николаевич оценил меня внимательным взглядом: «...Валерий Валентинович, расскажите о том, как проходит строительство Лебединского горно-обогатительного комбината, какие сейчас на вашем пути проблемы...». С этого дня моя работа постоянно была под пристальным вниманием Косыгина, который держал руку на пульсе нашей стройки. Я очень сожалел о том, что Алексей Николаевич Косыгин в 1980 году ушел из жизни, потому что понимал, что последние десять лет работал с руководителем-профессионалом высочайшего уровня, сыгравшим не последнюю роль в тогдашних трудовых победах лебединцев благодаря своей личной заинтересованности и внимательному отношению к нашей работе».

Первым местом жительства в Губкине для нового директора стала единственная на тот момент гостиница «Руда». По свидетельствам очевидцев, номер, в котором он остановился, моментально заполнился документами, чертежами, проектной и сметной документацией, многочисленными посетителями. Свободного места практически не осталось. Комбината еще не было – его только предстояло построить. В составе Лебединского ГОКа на 1 февраля 1970 г. было всего 140 человек вместе с участком хозяйственного способа. На площадке были забиты сваи под пятую, шестую, седьмую, восьмую секции обогатительной фабрики, построен склад концентрата, зияли раскрытые котлованы, не было даже административного здания – ничего еще не было.

Всё это молодой директор прошел и буквально оцупал собственными руками. Привычку оценивать состояние производства лично директор завел еще со времен работы в Горной Шории, говорил: «Невозможно оценить состояние производства только со слов подчиненных. Ничего не бывает более ценного на производстве, чем присутствие начальника на объекте, когда можно оценить ситуацию самостоятельно. Увидеть работу цехов и подразделений, что называется «вживую», узнать, какие есть проблемы, трудности, определить дальнейшие планы, цели и задачи. Директор должен знать всё это и видеть собственными глазами». Именно от этой его привычки – регулярно посещать производство – и пошли впоследствии в народ многочисленные истории и байки о «мужике в брезентовом плаще и кепке», что-то высматривающем на объектах комбината.

Тактика нового директора в то время кратко может быть сформулирована как «карьер – стратегия – кадры». Валерий

Валентинович хорошо ощущал и понимал людей, имел удивительное чутье на специалистов, хотя коллектив создавался в очень сжатые сроки. Некоторые молодые специалисты с опаской поглядывали на необычного директора. Как-то раз одному из робевших, но сильных молодых инженеров он сказал: «Не надо меня бояться. Я такой же, как все, как ты, как он. И знай на будущее: к какому бы руководителю ты ни шел, даже самому высокому, помни, что перед тобой обыкновенный человек, наделенный лишь большей властью. Слов нет, гипноз авторитета — самый сильный и кабальный гипноз, и порой трудно бывает перебороть в себе это чувство. Но если дело знаешь и, если твердо уверен, что принесет оно пользу — смело отстаивай его». Многие талантливые сотрудники и руководители, проработавшие на предприятии вплоть до начала 2000-х годов, таким образом были замечены, приведены «за руку» на комбинат и «выращены» лично самим директором, а впоследствии образовали целые трудовые династии, работающие на комбинате до сих пор.

В марте 1968 года ЦК ВЛКСМ объявил строительство Лебединского ГОКа Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Возведение комбината с той поры стало интернациональным проектом. Сильнейший дефицит рабочих рук, возникший в регионе, удалось частично компенсировать привлечением в 1970 году по линии Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) нескольких тысяч строителей из Болгарии.

Навсегда остались в памяти директора предпусковые хлопоты и ощущение сотворенного людьми технического чуда, когда в осеннюю ночь с 23 на 24 ноября 1972 года ожили конструкции комбината. Многие из управленцев в тот момент сами встали с инструментами к агрегатам. Все системы восьмой секции обогатительной фабрики были заполнены водой и кварцитами, громадные мельницы самоизмельчения заворочались, заработали классификаторы и магнитные сепараторы, пришел в движение конвейер, и первые граммы концентрата упали на склад. Начальник фабрики Павел Троянов собрал его и отнес директору. К трем часам утра Лебединский ГОК дал первую партию своей готовой продукции — 60 т концентрата.

В чем было значение этого события? Это наиболее точно определил сам Валерий Валентинович: «Дело не в одних лишь объемах переработанной руды, размерах зданий и дробилок. Право, не стоило бы в этом случае употреблять столь громкие слова, как «необычный», «событие из ряда вон выходящее», «новая глава». Главное — с вводом в строй нашего ГОКа страна приступила к массовой переработке неисчислимых богатств Курской магнитной аномалии — железистых кварцитов. Тех самых, кстати, железистых кварцитов, над которыми в свое время иронизировали, считая ни на что и никуда не годными... Долгие годы над Курской магнитной аномалией тяготело это «обвинение» — дескать, нужных металлургии руд нет, кварцитов много, но в переработку они не годятся. ... Лебединский горно-обогатительный комбинат впервые доказал, что железистые кварциты КМА можно широко использовать

Директор ЛГОКа В. В. Карпов в рабочем кабинете. Губкин, 1976 г.

Делегат XXV съезда КПСС В. В. Карпов. Москва, 1976 г.

в качестве ценнейшего сырья для получения лучшего в мире и самого дешевого железорудного концентрата. Лебединский ГОК сразу вышел на уровень лучших железорудных предприятий мира — США, Канады, Швеции».

Практически сразу после получения первого концентрата в 1972 году интерес к продукции Лебединского ГОКа стали проявлять крупные металлургические концерны из ФРГ, и предложили Минчермету свое сотрудничество в строительстве фабрики металлизированных окатышей. Идея создания на базе комбината металлургического передела, использующего процессы прямого восстановления железа, что называется, витала в воздухе, так как качество железорудного концентрата со следовыми показателями примесей, так называемое первородное железо, позволяло создать следующий передел сырья на комбинате. Тем не менее такой горный передел тогда был создан не на Лебединском ГОКе, а на Оскольском электрометаллургическом комбинате (ОЭМК) с поставкой туда концентрата с ГОКа в виде пульпы по 27-километровому пульпопроводу.

По словам Валерия Валентиновича, идея строительства на Лебединском ГОКе фабрики по производству горячебрикетированного железа (ГБЖ) пришла во второй половине 1980-х годов, и тогда она нашла поддержку на высоком уровне. В планах Минчермета на 1987–1990 годы предусматривались подготовка и проведение предварительных переговоров и ряд ознакомительных зарубежных поездок для выбора лучшей технологии будущих фабрик. Предполагалось возвести несколько очередей фабрики по производству ГБЖ с выходом на проектные мощности первых пусковых комплексов уже к середине 1990-х годов. Однако эти планы, к сожалению, не были реализованы из-за непродуманных экономических и политических реформ и последовавшего за ними краха советского государства. К реализации проекта вернулись в середине 1990-х годов, и первая промышленная партия ГБЖ после доводки технологии была получена на Лебединском ГОКе в 1999 году.

Хотя заложенная в первоначальный проект предприятия технология обогащения кварцитов была опробована, с первых лет промышленной эксплуатации Лебединского ГОКа проектное качество железистых кварцитов месторождения не подтвердилось. Следует сказать, что это никак не умаляет труд талантливейших проектировщиков комбината по той причине, что освоение гигантского бассейна КМА вели в сжатые сроки и ограниченными средствами, и первичная геологическая информация могла не отражать всех нюансов.

Внедрение бесшарового измельчения руд на Лебединском ГОКе сопровождалось трудностями в регулировании крупности продуктов по стадиям измельчения и всего процесса в целом, значительным количеством выделяемой гали и скрапа, неравномерной производительностью мельниц в связи с отсутствием их автоматического регулирования, неблагоприятным влиянием колебания гранулометрического состава, низкой надежностью выпускаемого в то время оборудования и т. д. Проектные показатели процесса самоизмельчения руд, впервые введенного в СССР на Ингулецком горно-обогатительном комбинате в Днепропетровской области, к 1974 году на Лебединском ГОКе не были достигнуты.

Перед директором стояла нелегкая задача понять, как можно решить возникающие вопросы, возможно ли это сделать, не потеряв в объемах и качестве выпускаемой продукции, и как сохранить и закрепить за предприятием статус лидера отрасли. В результате при участии директора на основе теоретических и экспериментальных исследований крупных научных коллективов для условий Лебединского ГОКа были разработаны основные способы борьбы с отрицательным влиянием критических классов крупности на процесс самоизмельчения. Эффективность таких способов была проверена путем переработки 450 тыс. т руды. Директором было принято трудное, но смелое и, как показало будущее, единственно правильное решение – провести в ближайшее время модернизацию оборудования обогатительных фабрик без остановки производства.

Алексей Иванович Сухорученков, генеральный директор АО «Союзруда», в начале 2000-х годов вспоминал, что строительство и освоение Лебединского ГОКа, как и других советских ГОКов в те времена, шло с большим трудом, но были на «Лебединке» и свои особенности, к которым применимо слово «впервые». Если говорить о самоизмельчении руды – впервые были применены мельницы 9-метровки. Если говорить о качестве концентрата – впервые в нашей стране был получен концентрат с содержанием железа 68,7 %. Впервые в промышленном масштабе было освоено производство «суперконцентрата» для ОЭМК и аккумуляторщиков. Железнодорожные уклоны – 50-тысячные – были применены впервые. Глубокий ввод железнодорожного транспорта и энергетических коммуникаций в карьере и многое, многое другое.

Хронология ввода в строй главных мощностей в это насыщенное время была следующей: I очередь комбината была введена в эксплуатацию 30 декабря 1972 года. Уже в 1975 году была введена I очередь фабрики окомкования с обжиговой машиной серии ОК-306, а 6 августа 1975 года получена первая партия окатышей. Строительство фабрики окомкования было завершено в декабре 1977 года, а в 1978 году окатышам Лебединского ГОКа был присвоен Государственный знак качества СССР. В 1976 году было полностью завершено строительство I очереди комбината по переработке железистых кварцитов мощностью 30 млн т в год. В период 1979–1980 годов была введена в эксплуатацию II очередь комбината. Проектная мощность двух очередей составила: по добыче руды – 43,7 млн т в год, по производству железорудного концентрата – 18,48 млн т в год. Железорудный концентрат с повышенным содержанием железа был получен 22 января 1982 года, и в том же году была введена в эксплуатацию фабрика дообогащения концентрата для выпуска продукции с содержанием железа более 70 % проектной мощностью 2,52 млн т в год. С 1985 года на Лебединском ГОКе был начат промышленный выпуск высококачественного концентрата, содержащего 70 % железа.

В 1980 году было принято решение на уровне Правительства и Минчермета СССР о закупке большегрузных самосвалов Комацу HD1200 грузоподъемностью 120 т для предприятий черной металлургии, и 20 единиц оборудования предназначались для Лебединского ГОКа. Директор комбината принимал непосредственное участие в реализации и продвижении этого проекта, участвовал в переговорах, посещал с ознакомительной поездкой предприятия-производители в Японии. Опыт эксплуатации этих самосвалов не только решил проблему обновления карьерного транспорта и повышения эффективности горных работ, но и позволил советским машиностроителям улучшить качественные характеристики собственной продукции.

Древний «Курский железный океан» – Курская магнитная аномалия стала объектом масштабной деятельности человека в начале прошлого века, первую руду КМА добывали в шахтах.

**Официальный
фотопортрет
директора ЛГОКа
В. В. Карпова. 1982 г.**

На Коробковском месторождении КМА в первой половине XX века была заложена шахта и начата промышленная обработка железных руд. Рядом с шахтой вырос горняцкий поселок, который ко времени начала стройки Лебединского ГОКа уже стал городом и значительно разросся.

Приоритетным способом добычи железных руд на КМА был выбран открытый способ. В планах Минчермета СССР на ближайшие пятилетки предусматривали строительство трех горно-обогатительных комбинатов в Старооскольско-Губкинском районе КМА: Лебединского, Стойленского и Губкинского. Будущее города Губкин становилось в этом случае туманным. Первый секретарь Губкинского горкома партии Н. А. Борщевский говорил по этому поводу в 1973 году: «Наша проблема номер один. Если строить карьер, его хозяйство подойдет почти к центру города...».

Проблема номер один... Она захватила многочисленные НИИ в Москве, Белгороде, Губкине, кабинеты Минчермета и Союзруды, проектировочные институты, заняла работой умы множества строителей, горняков-подземщиков и открытчиков. Разгорелись споры, взвешивались все «за» и «против». Были идеи о перенесении города в район нового водохранилища на реке Оскол, а были и мысли вовсе отказаться от его развития и отдать приоритет Старому Осколу.

Ситуация с обеспеченностью жильем в Губкине и Старом Осколе, в отличие от курского Железногорска, где сразу сконцентрировали силы на строительстве «Михайловки» и своего города, до начала 1980-х годов оставалась очень напряженной.

Итак, в Губкине не была решена «проблема номер один», в Старом Осколе необходимо было подставить плечо ОЭМК и «долгострою» Стойленского ГОКа — заниматься «социалкой» пришлось сразу на несколько фронтов. Уже в первые годы во главе ГОКа Карпов пробовал подсчитать, к какой социальной нагрузке на предприятие приведет эта стройка — и понял, что вместе с Лебединским ГОКом приходил большой новый город в 100 тыс. человек. Его личной позицией было отдать приоритет развитию города Губкин. В 1970–1980-е годы, вопреки позиции министерских чиновников, удалось реализовать

**В центре слева направо: В. В. Карпов, В. И. Долгих,
А. Ф. Пономарев. Ознакомительная поездка
по строящимся предприятиям металлургического
комплекса. ЛГОК, май 1983 г.**

многие планы — было «выбито» финансирование на строительство новых жилых массивов в Губкине, возведено новое здание Центрального рынка и городского Дома торговли, модернизирована система тепло- и водоснабжения города и многое-многое другое. Но еще больше идей реализовать по тем или иным причинам не удалось. По-настоящему переломить ситуацию получилось к 1982 году, когда были выполнены социальные обязательства Лебединского ГОКа в Старом Осколе, а Минчермет СССР отказался от планов строительства Губкинского ГОКа, и в Губкине по проекту московского института «Гипрогор» было развернуто интенсивное строительство «нового города» — просторного, благоустроенного и светлого микрорайона, получившего название «Журавлики». Хотя в Губкине предполагали реализацию стандартных решений и проектов типового строительства, по инициативе директора в проект удалось включить и дома серий, подобных построенным в областном центре Белгороде. В проекте «нового города» был также и плавательный бассейн, а за городом развернулось строительство пионерского лагеря для детей работников. «Обдумывая план, выбирая проекты и строя Журавлики вместе с городскими властями, мы делали это с расчетом на то, что всеми благами будут пользоваться не только наши работники, но и их дети и внуки, в том числе и наши собственные», — вспоминал об этих событиях Валерий Валентинович. Окончательно реализовать проект застройки «Журавликов» в Губкине ГОКу удалось к концу 1990-х годов.

Итого при непосредственном участии Карпова за время его директорства в Губкине и Старом Осколе построено 600 тыс. м² жилья, 16 школ, 25 детских учреждений, медсанчасть с поликлиникой, две гостиницы, два профессионально-технических училища, профилакторий и пионерский лагерь. Основная часть социальной инфраструктуры, в том числе медсанчасть в Старом Осколе, впоследствии была передана

городам, в которых располагалась, и до сих пор служит людям.

В 1988 году Валерий Валентинович Карпов был назначен первым генеральным директором Лебединского горно-обогатительного комбината. Комбинат в 1988 году превратился в предприятие, выпускающее уникальную продукцию, по большинству показателей опережавшее другие аналогичные ГОКи СССР, был сформирован многотысячный коллектив, построена социальная инфраструктура. Высокое качество и низкая себестоимость получаемой продукции обеспечили ее конкурентоспособность и востребованность на внутренних и внешних рынках, что, в свою очередь, позволило пройти через 1990-е годы, сохранив достойный уровень заработной платы и «социальный пакет» для работников комбината.

С начала 1990-х годов имя первого генерального директора несколько лет подвергалось тому, что в современное время называется «культурой отмены». Были и попытки практически полного исключения фамилии Карпова из публичной жизни предприятия и города, были и трудности при трудоустройстве по специальности — всё это было, и было бы неправильно не сказать про это, оставив всю историю парадно-глянцевой — у того времени были другие герои, и бывший руководитель, мысливший «большими» категориями — отраслю, экономикой, страной, был в сложившихся реалиях не уместен. Кому и зачем это было выгодно может решить сам читатель. Однако, как показал его собственный опыт конца 1990-х годов, когда в 1997 году он был вновь приглашен на родное предприятие, всю эту «пену на морской воде» убрало само время.

Последние годы Валерия Валентиновича трудно назвать «осенью жизни» — скорее это была не осень, а теплый, догорающий август очень погожего, насыщенного и солнечного лета. Работая преподавателем в Губкинском филиале МГОУ (сейчас это Губкинский филиал МИСИС) всегда окруженный молодежью, он быстро стал любим своим студентами, и им отвечал тем же самым. Ритмичная работа, молодое окружение, верные друзья, и, конечно же, востребованность в семье питали жизненные силы и дарили долголетие. Спокойно пройти по улицам города, в самом центре которого располагался его дом, ему было сложно, — многие горожане, останавливались перебраться парой слов или обстоятельно поговорить со своим директором. До последних дней в рабочем кабинете в губкинской квартире, где все стены до потолка были заставлены книжными стеллажами с большой директорской библиотекой, регулярно звонил старомодный дисковый телефон — это коллеги и ученики из разных концов большой страны звонили поговорить или посоветоваться по профессиональным вопросам со старым горняком.

Жизнь Валерия Валентиновича Карпова угасла на 81-м году накануне его дня рождения 13 августа 2010 года. В день прощания с директором на пару часов жизнь в Губкине замерла — сотни людей различного возраста и профессий пришли проститься со своей легендой. Его захоронение находится на городском кладбище Губкина на Аллее Почетных граждан.

Советник генерального директора ЛГОКа В. В. Карпов. 1998 г.

Что касается памяти директора, то до недавнего времени ему была посвящена только небольшая экспозиция в Музее истории КМА в Губкине, но в последние годы возникли и были поддержаны инициативы горожан об установке мемориальной доски на доме, где он жил, и присвоении одной из улиц в Губкине имени Валерия Карпова. По многочисленным просьбам ветеранов-лебединцев, для сохранения правдивых фактов и памяти о директоре, при поддержке «Фонда поколение» также была издана биографическая книга «Путь горного инженера», основанная на документальных материалах и его воспоминаниях. В ней можно подробнее ознакомиться с изложенной в статье историей и лучше узнать факты и имена людей, причастных к тому этапу покорения курской Большой руды.

Государство же отметило его труд многими наградами, в числе которых высшие: Ордена Ленина, Октябрьской Революции и Трудового Красного знамени, Премия Совета Министров СССР, а также особенные для всех шахтеров и горняков знаки «Шахтерской славы» трех степеней и многие другие. Тем не менее увидеть Валерия Валентиновича в парадном пиджаке со всеми отличиями никому ни разу не удалось, нет также ни одной его фотографии «при полном параде» по причине личной скромности этого человека.

В конечном счете в тот момент, когда достаточно большая часть «рудной базы», включая Криворожский бассейн и месторождения Казахстана, после распада единой страны остались в других государствах, освоенные богатства КМА, своевременно и правильно принятые тогда технологические и производственные решения, позволили России сохранить свой сырьевой и промышленный суверенитет.